

УДК 82

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА АЛЕКСАНДРА
ГОРОДНИЦКОГО В СТИХОТВОРЕНИИ «МОЙ ПУШКИН»**

© **Афанасьева Эльмира Маратовна** (2022), SPIN-код: 5153-3094, ORCID: 0000-0003-1544-4715, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6), EMafanaseva@pushkin.institute

В 2021 г. вышла в свет книга стихов А. М. Городницкого «Дорога к Пушкину», куда вошло 72 стихотворения. Творческая история этой публикации длится около 60 лет: самое раннее стихотворение – «Не женитесь, поэты» – написано в 1963 г., а недавние тексты созданы во время вынужденной изоляции 2020 года, связанной с распространением COVID-19.

Статья посвящена исследованию поэтики стихотворения «Мой Пушкин» (2018), открывающего книгу «Дорога к Пушкину». На основе интертекстуального анализа восстанавливается особенность аллюзий на пушкинские тексты и воспоминания современников, исследуется роль портретов и памятников поэту, включенных в эстетический миф А.М. Городницкого. Отдельное внимание уделяется семантике ритмической организации текста, написанного 6- и 5-стопным ямбом.

В стихотворении «Мой Пушкин» возникает целый конгломерат смыслов, ориентированных на диалог с пушкинским мифом русской культуры («мой Пушкин», «Пушкин – наше всё», «веселый Пушкин», «Солнце русской поэзии» и др.). Лирический герой существует как бы в двух измерениях: проживая свою жизнь, он ориентируется на жизнь Пушкина и те культурные коды, которые напоминают о Поэте XIX века. Пушкинские тексты, окружение поэта, его биография, портреты и памятники, география странствий и знаковых пушкинских мест – всё это становится основой интертекстуальных взаимодействий и формирует лично переживаемую поэтическую пушкиниану автора.

Ключевые слова: лирика, книга стихов, интертекстуальность, А.С. Пушкин, А.М. Городницкий.

Александр Моисеевич Городницкий – поэт и бард, один из основателей бардовского движения, доктор геолого-минералогических наук, участник множества экспедиций, посвященных исследованию Мирового океана [Городницкий 2021, 124–125]. Его творчество,

начавшееся в первые послевоенные годы, продолжается и в XXI столетии. Учитывая феноменальную культурно-историческую и литературную эрудицию автора, его можно рассматривать как эстетическое осмысление современных событий, часто воспринимаемых в диалоге с уже известными фактами и событиями минувших эпох.

В 2021 г. вышла в свет книга стихов Александра Городницкого «Дорога к Пушкину» [Городницкий 2021], которая, как представляется, является не только важным этапом в истории поэтического воплощения пушкинского мифа [Виролайнен 1999] русской литературы, но и особого рода квинтэссенцией эстетического диалога с пушкинисткой XX–XXI веков. Книга открывается предисловием Г.М. Седовой «Я шёл всю жизнь за Пушкиным по следу», включает в себя 72 стихотворения и информацию «Об авторе». Самое раннее произведение «Не женитесь, поэты» написано в 1963 г., а недавние тексты созданы во время первой волны пандемии 2020 года, связанной с распространением COVID-19¹. Таким образом, творческая история поэтической пушкинианы Городницкого включает в себя около 60 лет.

М.Н. Дарвин, характеризует книгу стихов как способ «выражения авторского сознания» и «организации читательского восприятия» и, ссылаясь на В. Брюсова, отмечает элементы романной поэтики в раскрытии внутренней композиции входящих в неё текстов [Дарвин 2008]. Внутренняя композиция книги А.М. Городницкого формируется на основе постоянного диалога субъекта лирического высказывания с Пушкиным, что и создает основу «романной поэтики». Пушкинские тексты, смыслы, окружение поэта, его биография, портреты и памятники, география странствий и знаковых пушкинских мест – всё это становится, апеллируя к понятию, введенному О.А. Проскуриным, «подвижным палимпсестом» [Проскурин 1999], высвечивающим разные грани интертекстуальных взаимодействий.

«Дорога к Пушкину» открывается стихотворением «Мой Пушкин» (2018). Анализу поэтики экспозиционного текста посвящена предлагаемая публикация. Начальное стихотворение служит камер-

¹ См. видеозапись онлайн-встречи с А.М. Городницким «Не женитесь, поэты» от 30 апреля 2020 г., посвященной подготовке к публикации сборника «Дорога к Пушкину» [Городницкий 2020]. Встреча состоялась в рамках цикла вебинаров «А.С. Пушкин и феномен русской классики», реализуемого на портале Института Пушкина «Образование на русском» под научным руководством автора этой статьи.

тоном смыслов пушкинской темы и определяет характер читательского диалога с «архитекстом» [Шатин 1997, 222] Городницкого, основой которого становится пушкинский код русской культуры.

Название стихотворения «Мой Пушкин», с одной стороны, диалогично по отношению к размышлениям авторов Серебряного века: сборнику В.Я. Брюсова [Брюсов 1929] и одноименному эссе М.И. Цветаевой [Цветаева 1981], с другой – определяет эстетическую позицию лирического Я, когда и судьба, и биография субъекта лирического высказывания соотносятся с творческим самовыражением и судьбой Пушкина.

Начальный стих – «Дорога к Пушкину идёт издалека...» – тематически связан с поэтикой названия книги и определяет значимость хронотопа пути, который в этом тексте разворачивается от младенчества лирического героя до его метафорической «осени жизни» «на исходе лет»:

Дорога к Пушкину идёт издалека.
Тропининский портрет, где с перстнями рука,
В убогой комнатке, напоминавшей келью.
Отец мой вырезал его из «Огонька»
И над моей повесил колыбелью.

Словообразы «келья», «колыбель» – это не только отсылки к эстетике XIX века и пушкинскому миру, но и преображенная реальность XX столетия: «убогая комнатка» напоминает «келью», а «тропининский портрет» Пушкина вырезан из журнала советского времени «Огонёк». Слияние поэтических стилей двух эпох обращает внимание на жизненные акценты, в которых важным является представление об общности судеб поэтов. Эта идея, укорененная в художественном мире Пушкина (см. «К Овидию», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и др.), органично перенимается Городницким и воспринимается как эстетическое наследие пушкинской эпохи. Тема младенчества, отмеченная поэтическим избранничеством, восходит к стихотворению «Наперсница волшебной старины» (1822):

Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
[Пушкин 1977, 116]

Однако вместо пушкинской музы, покровительствующей поэту с самой колыбели, у Городницкого появляется образ Поэта, любовь к которому передаётся от отца. Пушкинский портрет Тропинина сливается с хронотопом дома, соотносится с воспоминаниями о детстве, которое совпало с годами войны и осады Ленинграда, и сгорает вместе с родительской комнатой «голодную зимой сорок второго»:

В мерцании передвоенных лет
Мне видится тот пушкинский портрет,
Его нередко вспоминаю снова.
Он пережил мороз и артобстрел,
И вместе с нашей комнатой сгорел
Голодную зимой сорок второго.

В этом фрагменте текста проявляется «онтологический трагизм бытия», точно подмеченный исследователем современной литературы И.Б. Ничипоровым, который, описывая влияние Пушкина на творчество Городницкого, отмечает, что постигаемый «онтологический трагизм бытия поэта навеян катастрофическим опытом XX столетия, в результате чего Пушкин и его эпоха представлены в объемной исторической перспективе» [Ничипоров 2005, с. 109].

Несколько слов необходимо сказать о соотносённости «тропининского портрета» с воспоминаниями лирического героя. На портрете Пушкина работы В.А. Тропинина (1827 г.) поэт, задумчиво глядящий вдаль и, вероятно, одновременно размышляющий о чем-то важном, изображен в халате, из-под которого выглядывает ворот рубахи, перевязанный шейным платком. Домашний образ поэта в лирической трактовке Городницкого изначально соотносится с миром дома. Однако в тропининский портрет вкрадываются «парадные» детали: перстни на большом и указательном пальцах правой, рабочей для писателя руки. Пушкин словно только что отложил перо или, наоборот, готов взяться за него, чтобы запечатлеть мысль, навеянную вдохновением-размышлением... Напряженно-одухотворенный образ Поэта на тропининском портрете формирует представление о постоянной работе мысли творческой личности.

Тема тропининского «домашнего» портрета в стихотворении Городницкого переходит из пространства утраченного родного дома в пространство нетопленного класса, сопровождая взросление героя:

И весело позднее было мне,
Когда, уроки школьные украсив,
Он снова появился на стене
В нетопленом послевоенном классе.

На фоне голода и холода военных и послевоенных лет проявляется мотив веселия, что соотносит впечатление лирического героя Городницкого с пафосом речи А.А. Блока «О назначении поэта»: «Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это лёгкое имя: Пушкин...» [Блок 1962].

Через восприятие задумчиво-одухотворенного образа Пушкина на тропининском портрете у Городницкого проявляется настроение, которое Пушкин дарит читателю. Так рождается веселие встречи лирического героя с пушкинским образом, с воспоминанием о детстве, с поэзией как таковой.

Отметим авторский акцент на отождествлении Поэта с «подобьем панацей»:

Мне Пушкин стал подобьем панацей.
Его лицо забуду я едва ли,
От радостного в парке, где Лицей,
До горестного на Тверском бульваре.

В лексической системе Городницкого панацей – особого рода магнетизм личности. Пушкин становится ориентиром в определении пути к живительным истокам русской поэзии, а его судьба воспринимается лирическим героем в проекции возможного спасения Поэта от заточений, ссылок и от кровавой дуэли. Постепенно пушкинский хронотоп преобразуется, теперь он соотносится не только с тропининским портретом, но и с памятниками: в Царскосельском парке под Петербургом и в Москве на Тверском бульваре. Лирический герой Городницкого буквально срастается с пушкинской эпохой [Ничипоров 2005; Биткинова 2011, 81] – вслушивается в голоса лицеистов и вместе с В.И. Далем, который был рядом с Пушкиным в последние дни жизни друга, слышит голос Поэта XIX века:

Я шёл всю жизнь за Пушкиным по следу,
Запоминая каждую деталь, –
От лицеистов дружеской беседы
До слов предсмертных, что услышал Даль.

Текст Городницкого одной фразой отсылает к трагическим событиям, связанным с роковой дуэлью 1837 года, и определяет ценность дружбы в пушкинском мировосприятии, от лицейской юности до последних минут жизни.

28 января 1837 года В.И. Даль, узнав о смертельном ранении Пушкина, тут же приехал на Мойку, 12 и в последние часы жизни поэта был рядом, не отходя «от него до конца страшных суток» [Даль 1998]. В это трагически-пограничное время близкие по духу люди перешли на «ты» и побратались «уже не для здешнего мира» [Даль 1998]. Обратимся к воспоминаниям о предсмертных словах Пушкина: «Друзья, ближние молча окружили изголовье отходящего; я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг будто проснулся, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Кончена жизнь!» Я не дослышал и спросил тихо: «Что кончено?» – «Жизнь кончена», – отвечал он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит», – были последние слова его. Всеместное спокойствие разлилось по всему телу; руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни и колени также; отрывистое, частое дыхание изменялось более и более в медленное, тихое, протяжное; еще один слабый, едва заметный вздох – и пропасть необъятная, неизмеримая разделила живых от мертвого. Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его» [Даль 1998, 267]. На уровне подтекста последние слова, услышанные и переданные В.И. Далем, соотносятся и с тем визуальным образом Пушкина с «тропининского портрета», о котором говорится в начале стихотворения. После смерти поэта его вдова Наталья Николаевна передала В.И. Далю перстень с изумрудом². Это тот самый перстень, который изображен на «тропининском портрете» на большом пальце Пушкина. Так «диахронные вкрапления» палимпсеста [Тюпа 2014, 11] соотносят

² «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл – не знаю почему – талисманом» [Даль 1998, 262].

настоящее и прошлое в лирическом движении мысли [Грехнёв 1994] Городницкого и проецируются на рецептивную эстетику текста.

Рефлексия субъекта лирического высказывания над последними словами Пушкина становится переломной в развитии лирического сюжета стихотворения. В дальнейшем жизненный путь субъекта лирического высказывания, усиленный автобиографическими мотивами исследований Мирового океана («у края замерзающий морей», «отплавав в океане много дней»), формирует жизнетворческий контекст пушкинской поэтики, с её мифом о море как о свободной стихии (см. стихотворение «К Морю» 1824) и образом «угрюмого океана» (см. «Погасло дневное светило» 1820). Переплетение мотивов морских путешествий двух поэтов разных эпох обращает к истокам пушкинской поэтики: истинные пииты способны вступать в диалог, устраняющий любые (хронологические, географические, политические и т.д.) границы. Вкрапление в стихотворение Городницкого переиначенных фрагментов таких образцов онтологической лирики Пушкина 1830-х гг., как «Из Пиндемонти» и «Пора, мой друг, пора!» («нельзя / Зависеть от властей и от народа», «...счастья нет, но есть покой и воля»), – это не художественные реминисценции, а творческое прозрение лирического героя, осознающего глубину пушкинского постижения жизненных законов, которое к поэту рубежа XX–XXI веков приходит «значительно поздней».

Философская природа обобщений проявляется в момент исповедального откровения лирического героя, интегрирующего собственную родословную в тексты поэта XIX века. И в этот момент эгоцентричность восприятия Пушкина соотносится с соборностью пушкинского мифа:

И не беда, что для него я жид, –
Как он писал, и это не смертельно,
Поскольку Пушкин всем принадлежит,
И каждому принадлежит отдельно.

Финал стихотворения, несмотря на кольцевой характер развития темы портрета, высвечивает еще одну, светозарную грань пушкинского мифа русской культуры:

Не потому ли на исходе лет,
О прожитых года не сожалея,

Смотрю я вновь на пушкинский портрет,
И в комнате становится светлее.

«Солнце русской поэзии» освещает комнату нетварным светом, исходящим из души лирического героя, прошедшего долгий путь познания пушкинской тайны в самых разных её проявлениях.

Культурная память столетий концентрируется в конкретной судьбе; имя Пушкина, его образ (пусть даже прошедший через многократное преломление: от портрета Тропинина к его перепечатке в журнале «Огонек», копии в учебном классе и в комнате, где находится герой в настоящее время) становятся метафорическим воплощением истинной поэзии.

И ещё один важный момент, характеризующий природу эстетического события. Динамика лирического монолога о Пушкине осознанно отстранена от излюбленных Пушкиным метров (в частности, 4-стопного ямба). Стихотворение ритмически неоднородно. Начинается оно 6-стопным ямбом, который удерживается первые четыре стиха, а при переходе к пятому меняется на пятистопный, закрепляющийся до конца текста. 6-стопный ямб хранит память о русской версии александрийского стиха [Гаспаров 2001, 166], с его размеренно-повествовательной интонацией. Далее ритм становится более динамичным. Не случайно 5-стопный ямб К.Ф. Тарановский соотнес «с жанром монологов, поэтических раздумий, восходящих к пушкинским шедеврам: «Он между нами жил...» и «Вновь и посетил...» [Тарановский 2000, 139]. Ритм лирического монолога в стихотворении Городницкого воссоздает размеренно-исповедальную интонацию аналитической рефлексии. Целый конгломерат смыслов, сконцентрированный в пушкинском мифе русской культуры («мой Пушкин», «Пушкин – наше всё», «веселый Пушкин», «Солнце русской поэзии»), в экспозиционном стихотворении книги стихов А.М. Городницкого «Дорога к Пушкину» воссоздается в исповедальном дискурсе воспоминаний о важных этапах собственной жизни. Один биографический миф включается в другой. При этом лирический герой существует как бы в двух измерениях: проживая свою жизнь, он ориентируется и на жизнь Пушкина, и на те культурные коды, которые напоминают о любимом поэте, что и формирует личностно переживаемую поэтическую пушкиниану автора.

Источники

Блок 1962 – Блок А.А. *О назначении поэта* // Блок А.А. *Собрание сочинений*: в 8 тт. М.–Л., 1962. Т. 6. С. 160–168.

Брюсов 1929 – Брюсов В. *Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения*. М.–Л., 1929 // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=nWn0ybyu6J28%3d&tabid=10358>

Городницкий 2021 – Городницкий А.М. *Дорога к Пушкину*. М., 2021.

Даль 1998 – Даль В.И. *Воспоминания о Пушкине* // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. СПб., 1998. С. 258–262.

Даль 1998 – Даль В. И. *Смерть А. С. Пушкина* // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. СПб., 1998. С. 264–268.

Пушкин 1977 – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*: В 10 т. Т. 2. Л., 1977.

Городницкий 2020 – «*Не женитесь, поэты*»: Пушкин и авторская песня. *Онлайн-встреча с Александром Городницким*. 30 апреля 2020. Ведущая – Э. Афанасьева // URL: <https://webinar.pushkininstitute.ru/webinar.php?webinarId=274> (дата обращения 20.01.2022)

Цветаева 1981 – Цветаева М.И. *Мой Пушкин*. М., 1981.

Литература

Биткинова 2011 – Биткинова В.В. *Державинские реминисценции в поэтических и мемуарных текстах А. Городницкого* // Известия Саратовского университета. Серия Филология, Журналистика. 2011. Вып. 1. С. 80–89.

Виротайнен 1999 – Виротайнен М.Н. *Культурный герой нового времени* // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1999. С. 329–349.

Гаспаров 2001 – Гаспаров М.Л. *Русский стих начала XX века в комментариях*. М., 2001.

Грехнёв 1994 – Грехнёв В.А. *Мир пушкинской лирики*. Нижний Новгород, 1994. https://imwerden.de/pdf/grekhnev_mir_pushkinskoj_liriki_1994__ocr.pdf (дата обращения 20.01.2022)

Дарвин 2008 – Дарвин М. Н. *Книга стихов* // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 96–97.

Ничипоров 2005 – Ничипоров И.Б. *Пушкин и его эпоха в песенной поэзии Александра Городницкого* // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2005. № 4. С. 109–113. <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-i-ego-epoha-v-pesennoy-poezii-aleksandra-gorodnitskogo> (дата обращения 20.01.2022)

Проскурин 1999 – Проскурин О.А. *Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*. М., 1999.

Тарановский 2000 – Тарановский К. *О поэзии и поэтике*. М., 2000.

Тюпа 2014 – Тюпа В.И. *Палимпсестное прочтение художественного текста* // «Учености плоды»: к 70-летию профессора Ю.В. Шатина: сб. научных трудов Новосибирск, 2014. С. 10–22 // URL: <https://imwerden.de/pdf/>

Шатин 1997 – Шатин Ю.В. *Миня и палимпсест* // Ars interpretandi: Сб. статей к 75-летию Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. С. 222–225.

POETIC PUSHKINIAN BY ALEXANDER GORODNITSKY IN THE POEM *MY PUSHKIN*

© **Afanaseva Elmira Maratovna** (2022), SPIN-код: 5153-3094, ORCID: 0000-0003-1544-4715, Doctor of Philology, chief researcher, Pushkin State Russian Language Institute (6 Ac. Volgin Str., Moscow, 117485, Russia), EMAfanaseva@pushkin.institute

In 2021, *The Road to Pushkin*, a book of poems by A.M. Gorodnitsky was published which included 72 poems. The creative history of this publication lasts about 60 years: the earliest poem *Don't get married, poets* was written in 1963, and the recent texts were created during the forced isolation of 2020 due to the spread of COVID-19. The article is devoted to the study of the poetics of the poem *My Pushkin* (2018), which opens the book *The Road to Pushkin*. On the basis of intertextual analysis, the peculiarity of allusions to Pushkin's texts and memoirs of contemporaries is restored; the role of portraits and monuments to the poet included in the aesthetic myth of A.M. Gorodnitsky is investigated. Special attention is paid to the semantics of the rhythmic organization of the text written in 6- and 5-stop iambic. In the poem *My Pushkin* there appears a whole conglomerate of meanings focused on dialogue with the Pushkin myth of Russian culture (“my Pushkin”, “Pushkin is our everything”, “Merry Pushkin”, “The Sun of Russian poetry”, etc.). The lyrical hero coexists as if in two dimensions: living his life he focuses on the life of Pushkin and those cultural codes that remind of the Poet of the XIX century. Pushkin's texts, the poet's environment, his biography, portraits and monuments, the geography of travels and iconic Pushkin places – all this becomes the basis of intertextual interactions and forms the author's personally experienced Pushkiniana.

Keywords: lyrics, book of poems, intertextuality, A.S. Pushkin, A.M. Gorodnitsky.

References

(Articles from Scientific Journals)

Биткинова 2011 – Bitkinova V.V. Derzhavinskiye reministsentsii v poeticheskikh i memuarykh tekstakh A. Gorodnitskogo [Derzhavin's reminiscences in the poetic and memoir texts of A. Gorodnitsky]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya, Zhurnalistika*, 2011, Vol. 1, pp. 80–89. (In Russian).

Ничипоров 2005 – Nichiporov I.B. Pushkin i ego epokha v pesennoy poezii Aleksandra Gorodnitskogo [Pushkin and his era in the song poetry of Alexander Gorodnitsky]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 8: Literaturovedeniye. Zhurnalistika. 2005, No. 4, pp. 109–113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-i-ego-epokha-v-pesennoy-poezii-aleksandra-gorodnitskogo> (accessed 20.01.2022) (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Виролайнен 1999 – Virolaynen M.N. Kul’turnyy geroy novogo vremeni [Cultural hero of modern times]. Legendy i mify o Pushkine [Legends and myths about Pushkin]. Saint Petersburg, 1999, pp. 329–349. (In Russian).

Дарвин 2008 – Darvin M. N. Kniga stikhov [The book of poems]. Poetika: slovar’ aktual’nykh terminov i ponyatiy [Poetics: a dictionary of actual terms and concepts]. Moscow, 2008. S. 96–97. (In Russian).

Тюпа 2014 – Туупа V.I. Palimpsestnoye prochteniyе khudozhestvennogo teksta [Palimpsest Reading of a Literary Text]. «Uchenosti plody»: k 70-letiyu professora Yu.V. Shatina: sb. nauchnykh trudov [“Scholarship products”: to the 70th Anniversary of Professor Yu.V. Shatina: Sat. scientific papers]. Novosibirsk, 2014, pp. 10–22. Available at: https://imwerden.de/pdf/uchenosti_plody_sbornik_k_70let_prof_shatina_2014.pdf (accessed 20.01.2022) (In Russian).

Шатин 1997 – Shatin Yu.V. Mineya i palimpsest [Минья и палимпсест]. Ars interpretandi: Sb. statey k 75-letiyu Yu.N. Chumakova. Novosibirsk, 1997, pp. 222–225. (In Russian).

(Monographs)

Гаспаров 2001 – Gasparov M.L. Russkiy stikh nachala XX veka v kommentariyakh [Russian verse of the beginning of the 20th century in the comments]. Moscow, 2001. (In Russian).

Грехнёв 1994 – Grekhnev V.A. Mir pushkinskoy liriki [The world of Pushkin's lyrics]. Nizhniy Novgorod, 1994. Available at: https://imwerden.de/pdf/grekhnev_mir_pushkinskoj_liriki_1994_ocr.pdf (accessed 20.01.2022) (In Russian).

Проскурин 1999 – Proskurin O.A. Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyy palimpsest [Poetry of Pushkin, or Movable palimpsest]. Moscow, 1999. (In Russian).

Тарановский 2000 – Taranovskiy K. O poezii i poetike [About poetry and poetics]. Moscow, 2000. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.02.2022